
ТЕРРИТОРИЯ ПАМЯТИ

Алла НОВИКОВА-СТРОГАНОВА

ОБРАЗЫ ПРАВЕДНИКОВ КАК ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОТКРЫТИЕ Н. С. ЛЕСКОВА

Праведничество — магистральная тема творчества Николая Семеновича Лескова (1831—1895), великого русского писателя, классика мировой литературы. Он создал целый «иконостас святых и праведных» земли Русской. В этом одна из важнейших заслуг, настоящий писательский подвиг Лескова. «Покажите мне у другого писателя такое обилие положительных русских типов», — говорил он. И действительно, в этом отношении Лесков — уникальная фигура в истории русской литературы.

Алла Анатольевна Новикова-Строганова — доктор филологических наук, профессор, член Союза писателей России (Москва), историк литературы.

В творчестве ни одного из других писателей не встречается такой россыпи драгоценных самоцветов — образов русских людей «высокой пробы».

Чем больше читаешь и изучаешь лесковские произведения о праведниках, тем глубже проникаешь в святая святых человеческой души. Тип праведника является воплощением религиозно-нравственных представлений русского народа об идеальном человеке. «Русский народ, — писал поэт Ф. И. Тютчев, — христианин не только в силу православия своих убеждений, но еще благодаря чему-то более задушевному, чем убеждения. Он христианин в силу той способности к самоотвержению и самопожертвованию, которая составляет как бы основу его нравственной природы».

В образах героев-праведников особенно ярко засияло то свойство таланта Лескова, которое было обозначено как «стихия светозрения». Праведные герои Лескова, как и создавший их образы автор, пребывают *на пути к свету* — заданному в Евангелии христианскому идеалу совершенства: «...поступающий по правде идет к свету, дабы явны были дела его, потому что они в Боге соделаны» (Ин. 3: 21).

Понятие «праведник» восходит к Библии. Лесков использовал это слово-образ, чтобы представить тип человека, который, подобно «праведному» из Книги Бытие, мог сохранить свою страну от упадка и гибели: «Господь сказал: если Я найду в городе Содоме пятьдесят праведников, то Я ради них пощажу все место сие. <...> Не истреблю и ради десяти» (Быт. 18: 26, 32).

В предисловии к своему циклу рассказов и повестей о праведниках Лесков указал на древнерусскую легенду о том, что «без трех праведных несть граду стояния», то есть ни один русский город не выстоит, если в нем не будет хотя бы трех праведников. Ф. М. Достоевский в романе «Братья Карамазовы» (1881) называл устами старца Зосимы другое, но тоже сакральное число — семь: «...теперь общество христианское пока еще само не готово и стоит лишь на семи праведниках; но так как они не оскудевают, то и пребывает все же незыблемо». Лесков также был убежден: «У нас не переводились, да и не переведутся праведные. Их только не замечают, а если стать присматриваться — они есть».

Идея праведнического цикла произведений кристаллизовалась с самого начала творческого пути художника слова. Само понятие «праведник», оформившееся у писателя к 1870-м годам, отнюдь не узко закрепленное за героями конкретного цикла рассказов 1879—1889 годов. Лесков наполнил найденное им определение самым широким содержанием, поместил под «иконописным титлом» (по образному выражению Андрея Лескова, сына писателя) положительные характеры вообще: «Я дал читателю положительные типы русских людей. Весь мой 2-й том под заглавием „Праведники“ представляет собою отрадные явления русской жизни. Это „Однодумы“, „Пигмей“, „Кадетские монастыри“, „Инженеры-бессребреники“, „На краю света“ и „Фигура“ — положительные типы русских людей. Этому тому своих сочинений я придаю наибольшее значение. Он явно доказывает, был ли я слеп к хорошим и светлым сторонам русской жизни».

В период издания собрания своих сочинений писатель следующим образом характеризовал созданные им фигуры праведников: «Весь мой одиннадцатый том: Клавдия в „Полунощниках“, квакерша-англичанка Гильдегарда и тетя Полли в „Юдоли“, „Дурачок“ и т. д. опять воспроизводят светлые явления русской жизни и снимают с меня упрек в том, что я проглядел устои русской жизни и благородные характеры», — говорил Лесков, подводя последние итоги творчества и самой жизни, когда, по его же словам, были близки «распряжка» и «вывод из оглобель».

В произведениях многих других авторов нередко ощущается заданность, предопределяющая известную схематичность в создании образа положительного героя — рупора авторских идей. Лесковские же праведники не схемы. Это настоящие, живые,

полнокровные люди, оригинальные, яркие, своеобразные. Здесь одна из загадок лесковского таланта, его особое качество. К 100-летию писателя в 1931 году П. Б. Струве отмечал: «Почему-то Лескову удавались положительные типы, почему-то под его пером оживали и искрились огнем жизни хорошие люди всех сортов и званий».

Проводя сопоставление между «героями» и «праведниками», Лесков, не отвергая героического порыва, несомненное предпочтение отдавал праведникам за их трудный ежедневный, будничный, *долговременный подвиг*, который состоит в праведном образе жизни вообще: «Прожить изо дня в день праведно долгую жизнь, не солгав, не обманув, не слукавив, не огорчив ближнего и не осудив пристрастно врага, гораздо труднее, чем броситься в бездну, как Курций, или вонзить себе в грудь пук штыков, как известный герой швейцарской свободы».

В предисловии к рассказу «*Однодум*» (1879) с целью опровержения крайне пессимистического заявления А. Ф. Писемского, объявившего, что он видит во всех своих соотечественниках одни только «мерзости», Лесков возвестил: «Мне это было и ужасно и несносно, и пошел я искать праведных, пошел с обетом не успокоиться, доколе не найду хотя то небольшое число трех праведных, без которых „несть граду стояния“».

На самом деле лесковские поиски праведных возникли задолго до этого заявления и с самого начала творческого пути увенчались успехом. Почти в каждом произведении писателя, даже не включенном в специальный цикл, имеются образы-персонажи праведников, которые, по словам Андрея Лескова, «то попадали в эти святцы, то оставались без канонизации». Например, уже в первом — «крестьянском» — романе «*Житие одной бабы*» (1863) запоминается фигура орловского мещанина, лекаря Силы Ивановича Крылушкина, который исцеляет «не травками да муравками», а великой силой любви к людям, действенным состраданием и участием. Эти «маленькие люди с просторными сердцами» не канонические святые, но их «теплыми личностями» согревается жизнь.

Лесков писал о своем «розыске»: «...куда бы я ни обращался, кого ни спрашивал — все отвечали мне в том роде, что праведных людей не видывали, потому что все люди грешные, а так, кое-каких хороших людей и тот и другой знавали. Я и стал это записывать». Писатель отыскал своих праведных в каждой социальной группе российского общества.

В этом пестром собрании «маленьких великих людей» правдоискатели зачастую выглядят чужаками, людьми не от мира сего. «Каверзливая» русская жизнь настоящего «лукавого века», неистощимая на обескураживающие парадоксы, то и дело преподносит «сюрпризы и внезапности». В повести с характерным заглавием «*Смех и горе*» (1871) Лесков утверждал, что у нас на Руси «что ни шаг, то сюрприз, и притом самый скверный». В то же время исключение из этого прискорбного правила — образы многих праведников. Нередко их социальная роль, служебный долг противоречат долгу человеческому, праведническому, но Божеское начало одерживает безусловную победу. И вот уже возникают парадоксы не скверные, а светлые: не берущий взятку квартальный; инженеры-бессребреники; полицейский, совершивший так называемую «измену» из любви к ближнему; солдат-часовой, нарушивший устав и оставивший пост у Зимнего дворца, чтобы спасти тонущего человека; «скалозубы» военные, «оказавшиеся людьми такого ума, сердца и характеров, что лучших, кажется, и искать незачем».

Проблема свободного выбора, перед которой оказалось человечество со времен грехопадения, рассматривается в творчестве Лескова как проблема выбора жизненной позиции. Чтобы противостоять мощному злу, добро, дабы не стать жертвой зла, не должно выливаться в формы пассивные, беспомощные, мученические. Лесковские праведники воплощают альтруистический идеал именно активного, деятельного добра. Самоотверженная любовь к ближнему в соединении с настойчивым практическим деланием — основной признак и качество праведности.

Непереизданный очерк Лескова «*Вычегодская Диана (Попадья-охотница)*» (1883) продолжает развитие концепции «героев и праведников» и содержит следующую декларацию: «Такие энергические и <...> всепобеждающие характеры везде редки, и их, как зажженную свечку, нельзя оставлять под спудом, а надо утверждать на высоком свешнике — да светят людям. Бодрый, мужественный пример часто служит на пользу ослабевающим и изнемогающим в житейской борьбе. Это своего рода маяки. Воодушевить угнетенного человека, сообщив его душе бодрость, — почти во всех случаях жизни — значит *спасти его*, а это значит более, чем выиграть самое кровопролитное дело. Это стоит того, чтобы родиться, жить, глядя на „смысла поруганье“, и умереть с отрадою, имея впереди себя праведника, который умер „за люди“, оживив изветшавшую лицемерную мораль бодрым примером своего высокого человеколюбия».

Христианские авторы указывали, что праведность еще не есть святость. Праведничество в числе других религиозно-нравственных ценностных установок личности — таких, как «безбрачие, нестяжание, пост, труд, бдение, деятельная любовь, — это орудия, средства к достижению совершенства, но не самое совершенство», — объяснял святитель-подвижник Игнатий Брянчанинов. В то же время все человеческие добродетели, исходя из единого источника — *добротолюбия*, тесно связаны между собой, как звенья одной духовной цепи. Таким образом, праведность как важное средство приближения к идеалу святости сродни ей. Эту мысль убедительно поясняют раздумья русского философа и писателя Ивана Ильина: «Русь именуется „святою“ не потому, что в ней „нет“ греха и порока; или что в ней „все“ люди святые... Нет. Но потому что в ней живет глубокая, никогда не истощающаяся, а по греховности людской и не утоляющаяся *жажда праведности*, мечта приблизиться к ней, душевно преклониться перед ней, *художественно отождествиться с ней*, стать хотя бы слабым отблеском ее <...> И в этой *жажде праведности человек прав и свят* при всей своей обыденной греховности».

Точно так праведники Лескова отнюдь не ощущают себя святыми. Например, «большим грешником» именует себя богатырь-черноризец Иван Северьянович Флягин — главный герой повести «*Очарованный странник*» (1873). Но такая самооценка — показатель значительного роста религиозно-нравственного самосознания личности. Праведничество лесковских героев идет из реальных глубин их духовно-душевной памяти. Праведник представлен уже не в житийном жанре, а в реалистическом. Однако поле для подвигов активного добра и в таком контексте не сокращается.

Как и его герой-«очарованный странник», Лесков был очарован русским чудом подвижничества, праведничества. Он не уставал восхищаться характерами, хранящими в себе особенные, оригинальные и высоконравственные черты, «живой дух веры». Даже в атмосфере «нынешнего преглупого и преподлого времени» писатель воодушевлен верой в духовность человека.

Так, знаменательна в повести «*Запечатленный Ангел*» (1873) фигура отшельника Памвы, который «весь любовью одушевлен». Образ жизни в лесном скиту смиренного «анакорита», «беззавистного и безгневного» отца Памвы: «...согруби ему — он благословит, прибей его — он в землю поклонится, неодолим сей человек с таким смирением!» — напоминает житие аскета-пустынника преподобного Серафима Саровского, с его тяжелым и скорбным, но благодатным путем подвигов молитвы и самоотречения. Эту параллель подтверждает авторитетный источник, на который указал сын писателя Андрей Лесков: «...изрядный, по основному образованию, знаток церковности, А. А. Измайлов без колебаний признал в беззавистном и безгневном лесковском праведнике Памве Серафима Саровского». Образ преподобного затворника Саровской пустыни, чудотворца, канонизированного в начале XX века, связан с многочисленными знаменами, чудесами, окутан легендами, свидетельствующими о народном его

почитании. Так и в лесковской повести старец Памва возникает среди лесной глуши внезапно, точно Божий посланник или добрый помощник в народной сказке, стоило только заблудившимся (в смысловом контексте повести — *заблудшим*) героям попросить высшие силы о помощи: «Ангеле Христов, соблюди нас в сей страшный час!» Появление Памвы поначалу воспринимается рассказчиком как явление «духа»: «...из лесу выходит что-то поначалу совсем безвидное, — не разобрать». Но приглядевшись, Марк Александров не может про себя не воскликнуть: «Ах, сколь хорош! ах, сколь духовен! Точно Ангел предо мною сидит и лапки плетет для простого себя миру явления».

Исследователь феномена русской святости Г. П. Федотов отмечал: «Раскол XVII века поселил тревогу и сомнения в русскую душу. Вера в полноту реализующейся Церковью на земле святости была подорвана». Однако в «*Запечатленном Ангеле*» рассказчик-старовер, встретившись со святым отшельником Памвой, справедливо «держит рассуждать» о раскольничьем движении: «Господи! <...> Если только в Церкви два такие человека есть, то мы пропали, ибо сей весь любовью одушевлен».

Церковь с проникающими в нее мирскими соблазнами далека от абсолютного духовного идеала, но все же духовная жизнь теплится, не угасает. Г. П. Федотов словно представляет чисто лесковские характеры и положения, когда рисует очерк состояния духовной ситуации в России: «...упадок, иногда в очень тяжелых и соблазнительных формах, наблюдается в огромном большинстве монастырей. Но в самых распущенных среди них найдется иногда лесной скиток или келья затворника, где не угасает молитва <...> В пустынь к старцу, в хибарку к блаженному течет народное горе в жажде чуда, преображающего убогую жизнь. В век просвещенного неверия творится легенда древних веков. Не только легенда: творится живое чудо. Поразительно богатство духовных даров, излучаемых св. Серафимом. К нему уже находит путь не одна темная, сермяжная Русь. Преп. Серафим распечатал синодальную печать, положенную на русскую святость, и один взошел на икону, среди святителей, из числа новейших подвижников. <...> Оптина Пустынь и Саров делаются двумя центрами духовной жизни: два костра, у которых отогревается замерзшая Россия».

Так же как преподобный Серафим Саровский «распечатал синодальную печать, положенную на русскую святость», старец Памва в повести Лескова толкует о грядущем «распечатлении» Ангела: «Он в душе человеческой живет, суемудрием запечатлен, но любовь сокрушит печать...» В разъединении с Богом и друг с другом люди ощущают себя не просто осиротевшими, они становятся «*братогрызцами*». Для установления истинно братских отношений людям как чадам Божиим необходимо искать общий корень, общую опору «единими усты и единым сердцем».

Персонажи Лескова, принадлежащие к праведническому типу, как характеры живые, полнокровные имеют индивидуально-неповторимые черты: каждый из героев воплощает собственное духовно-субстанциональное начало, отраженное в различных явлениях социально-этического порядка. Таковы, например, неподкупность Рыжова («*Однодум*»), бесребреничество и честность Николая Фермора («*Инженеры-бесребреники*»), не только честность, но и доблесть Перского («*Кадетский монастырь*») и т. д.

Вариант типологии и характерологии лесковских персонажей предложил итальянский славист Пьеро Каццола в исследовании «*Город трех праведников*» (*La città dei tre giusti*) (1992). Так, исследователь выделяет праведников — «борцов за веру»: староверов и Памву в «*Запечатленном Ангеле*». Шерамур, Пизонский, Флягин, Бобров — этому типу праведников П. Каццола подбирает определение «питающие». Образное, метафорическое значение этого выражения поддерживается итальянским глаголом «nutrire» («*nutrire il fuoco*» — поддерживать огонь). Праведники «неподкупные» — квар-

тальный Рыжов, Фермор, инженеры-бессребреники. Особое место занимает «тульский косой левша» — «праведник-талант и большой патриот». «Человек на часах», «Дурачок», «Пигмей», «Павлин», «Пугало», «Фигура» — герои этих произведений, по мнению ученого, «праведники-жертвы». Выделяется группа праведников-священнослужителей: это главные герои романа-хроники «Соборяне», отец Савва («Некрещеный поп»), отец Кириак, архиепископ Нил («На краю света»). Разумеется, праведническая линия в творчестве Лескова представленной классификацией не исчерпывается.

Лесков поднимает вопрос о праведническом подвижничестве на религиозно-философский уровень, связывая основополагающие принципы религии с насущными задачами социальной жизни.

На авторскую позицию проливает свет следующее размышление Лескова в полузабытой статье «Два слова о редстокистах» (1876): «Нам, православным, держащим в основе нашего церковного сознания непререкаемое правое учение об оправдании *живою, действительною верою*, т. е. *верою и делами*, этого нельзя ни на минуту упускать из виду, ибо мы со всюю верностию нашего исповедания едва ли можем показать достойные его плоды». Писатель убежден: «...чтобы спасти все ниже и ниже падающие интересы религии, „*нужны подвиги*“, подвиги благочестия, правды и добра, без которых не может жить в людях дух Христов, а без него суетны и тщетны и слова, и поклонения <см. 1 Коринф, XV, 14>».

Проникая в существо лесковского художественного феномена праведничества, следует сосредоточить основное внимание на религиозно-нравственной позиции, во многом определяющей особенности самобытных характеров праведников Лескова. Все они в лучших своих душевных движениях, которыми руководствуются в жизни действительной, проявляются как православные христиане. В их сознании непоколебимо укоренилась евангельская этика «*возлюби ближнего своего, как самого себя*». И они любят именно *ближнего*, нуждающегося в помощи и поддержке, и именно *действенной, совершенной любовью*, не рассчитывая на земную благодарность, но по душевному порыву высокой веры. Все праведники обладают ясной и крепкой верой, которая реализуется «не в мечте, а в яви; для нее цель всегда близка и отчетлива». Согласно толкованию святого Макария Египетского, «*милосердый Бог выводит нас из внутренней клетки нашей для пользы ближнего*».

Главные качества веры лесковских праведников не только *искренность*, но и *беспокойство* — за человека, за народ, за мир. И автор сочувственно показывает *беспокойную религиозность* своих «очарованных странников». В рассказах о праведниках писатель воссоздает неординарные ситуации, требующие напряжения личной совести героя. Лесков рассматривает праведничество как черту исконно русскую. «Психология лесковских праведников, — справедливо замечает современный литературовед В. Ю. Троицкий, — это более всего психология людей с русским национальным восприятием мира: они несут в себе и сознание греха, и органическое стремление к покаянию, и жажду делать добро, и взлеты к идеалу святости, безграничной жертвенности „за други своя“, и неумемное созерцание пышного земного бытия, и страх Божий перед этой неумемностью, горькое смирение и вновь идущее от сердца горячее влечение к добру и справедливости. Так Лесков раскрывает перед нами существеннейшую сторону отечественной действительности: русское национальное православное самосознание».

Вместе с тем иногда проявляются и черты религиозного своемыслия положительных героев Лескова. Так, в 1889 году Лесков пересмотрел свою хронику «*Захудальи род*», герой которой Мефодий Червев — вначале преподаватель духовной семинарии — был уволен за «неправославные взгляды». Идея автора относительно истинного хри-

стианства — максимально возможного в реальности приближения к жизни во Христе — проявляется в тех качествах его персонажей, которыми писатель открыто восхищается: в следовании евангельским заповедям, в действенной любви к ближнему, необходимых во имя этого храбрости и мужестве, подвижничестве.

В противовес «замечаемому ныне чрезмерному усилению в нашем обществе холодного и бесстрастного эгоизма и безучастия» Лесков показывает «сердца», что «были немножко потеплее и души поучастливее». В рассказе с характерным заглавием «Пигмей» (1876) писатель полемически отстаивает свою позицию: «...что может сделать для ближнего самый маленький человек, когда он серьезно захочет помочь ему». Название рассказа пришло Лескову из глубин его «*семейных памятей*»: «мелкой братией пигмеев» именовал свое семейство отец будущего писателя Семен Дмитриевич Лесков, когда сочинял просительное письмо благодетелю-аристократу, пытаясь устроить поприще своего первенца Николая. Послание это Лесков-младший адресату не вручил. Но спустя многие годы использовал его в литературе. Отец Николая Лескова завершал свою просьбу строками оды Г. Р. Державина «*Фелица*» (1792):

Почувствовать добра приятство
Такое есть души богатство,
Какого Крез не собирал.

Теми же строками почти тридцать лет спустя завершил свой рассказ «Пигмей» Лесков. Его герой, рискуя собственным служебным местом и даже жизнью, спас человека от незаслуженного наказания и позора. Безымянный «пигмей» даже не ведаёт о своей праведности. Но он чуток к христианскому голосу совести: «А оно, это что-то незримое, знай все свое в ухо шепчет: „Расспроси, заступись“». Подсознательное выходит на поверхность сознания и становится убеждением православного человека, самоотверженно решившего прийти на помощь ближнему: «...я действительно так чувствовал, что это Богу угодно совершить то, что я делаю». «Разумеется, самомнение», — добавляет смиреннейший герой. В финале рассказа, прочувствовав сотворенное им «добра приятство», незаметный человечек, «пигмей» (социально, но не духовно-нравственно) возвышается до *богообщения*, экстатически переживает восторг общения с Творцом: «...в третий раз всю дорогу сладко-пресладко плакал. <...> Как же за эти незаслуженные ощущения Бога хоть слезою не поблагодарить!»

У Лескова, по слову критика, «создана целая повесть русской веры, дополняющая такую же повесть Достоевского. У него все верят, но верят так же многолико, своеобразно, своеобразно, своеобразно, как верил сам Лесков». Самоотверженная жизнь праведников, подвижников «истинной веры Христовой», безусловно, «„возвышается над чертою простой нравственности“, и потому „свята Господу“», — утверждал писатель в произведении «*Русские антики (Из рассказов о трех праведниках)*» (1879).

Добротворяющей силой праведнического подвижничества одухотворяется все творчество Лескова. Циклы произведений писателя («*Святочные рассказы*», «*Праведники*», «*Рассказы к стати*») не замкнуты, их границы открыты. Сам автор постоянно устанавливал межтекстуальные связи между своими художественными творениями. Например, «*На краю света*» — «*Владычный суд*» с подзаголовком «*Pendant к рассказу „На краю света“*»; «*Юдоль*» — «*О квакерях*» (*Post-scriptum к „Юдоли“*); святочный рассказ «*Путешествие с нигилистом*» нашел отголосок в повести «*Старинные психопаты*» и т. д. Разомкнутость лесковских циклов и возможности их взаимопроникновения позволяют постичь цельность художественного мира, сотворенного писателем, где основополагающим является «световое», боголюбивое и сострадающее человеку начало, проповедующее «проблески разума о смысле жизни».